

Категория временного порядка в художественном тексте

Статья посвящена изучению категории временного порядка в конкретном тексте, что предполагает системный анализ функционально-семантического содержания поля темпоральности, семантического содержания высказывания.

Ключевые слова: категория временного порядка (ВП), структура и семантика ВП, аспектуальные семантические признаки ВП, функциональные типы обстоятельств временного дейксиса, художественный текст.

Темпоральность — это “внешнее время”, предполагающее дейктическую характеристику. Под дейксисом В. А. Виноградов понимает “указание как значение или функция языковой единицы, выражаемое лексическими и грамматическими средствами. ...Сфера дейксиса включает: указание на участников речевого акта, на предмет речи; на степень отдалённости объекта высказывания; *указание на временную и пространственную локализацию сообщаемого факта*” (подчёркнуто нами. — Н. Г., С. Ж.) [2:128].

Темпоральность называют “векторной” категорией, то есть категорией, имеющей определённое направление. Временной дейктический центр заключён в глагольных формах времени, синтаксических конструкциях, обладающих определённым временным значением, а также лексических средствах выражения семантики времени. Так, “лексические показатели темпоральности типа *вчера, на прошлой неделе, месяц тому назад, давно, когда-то — теперь, в этот момент — завтра, скоро, на будущей неделе* и т. п. представляют собой обстоятельственную подсистему темпоральных спецификаторов, в которой, как и в подсистеме глагольных форм времени, выявляется ориентация на дейктический центр, связанный с отнесённостью к **теперь** [9:10].

На X Конгрессе МАПРЯЛ А. В. Бондарко некоторые лексические обстоятельственные показатели и различные контекстуальные средства передачи темпоральных отношений относит к категории временного порядка [1:30–32].

Именно категория временного порядка как один из компонентов аспектуально-темпорального комплекса отражает разные стороны идеи времени. А. В. Бондарко трактует ВП как “выступающее в высказывании и целостном тексте языковое представление “времени в событиях”, то есть представление временной оси, репрезентируемой событиями, процессами, состояниями, обозначениями моментов времени и интервалов” [1:30].

Это истолкование восходит к концепции Г. Рейхенбаха. Им был введён и сам термин “временной порядок” [5:156–170]. Для этого понятия существенно, что время представлено в событиях. Предметом лингвистического анализа является поток времени, воплощённый во временной упорядоченности событий, процессов и состояний (вместе с интервалами и датами).

Цель настоящей статьи — анализ категории временного порядка в функционально-семантическом поле темпоральности в художественном тексте — рассказе А. П. Чехова.

Семантика временного порядка строится на представлении говорящего и слушающего (автора и читателей) о направленности движения времени от прошлого к будущему.

В рассказе “Невеста” отмечаем динамичность структуры ВП; эта оппозиция строится на основе аспектуальных семантических признаков “**возникновение новой ситуации (ВНС) — данная ситуация**” (ДС). Данный рассказ обладает гармоническим объёмно-прагматическим членением. Он состоит из шести глав, обозначенных римскими цифрами. В первой главе первый же абзац строится на основе оппозиции ВНС-ДС. Смена ситуации в структуре ВП подчёркивается разными средствами.

Было уже часов десять вечера, и над садом светила луна [10:393]. Как видим, первое предложение имеет единицу временного дейксиса — обстоятельство времени со значением приближённости *часов десять вечера*, а также контекстуальное средство передачи темпоральности (*светила*) *луна*. Временной дейксис “готовит почву” для развёртывания категории временного порядка в динамике: *В доме Шумилиных только что кончилась всенощная, которую заказывала*

бабушка Марфа Михайловна, и теперь Наде — она вышла в сад на минутку — видно было, как в зале накрывали на стол для закуски, как в своём пышном шёлковом платье суетилась бабушка; отец Андрей, соборный протоиерей, говорил о чём-то с матерью Нади, Ниной Ивановной, и теперь мать при вечернем освещении сквозь окно почему-то казалась очень молодой; возле стоял сын отца Андрея, Андрей Андреич, и внимательно слушал [10:393].

Единицы категории временного порядка: *только что* — усилительная частица со значением “совсем недавно, буквально сейчас” [8,4:378] и наречие *теперь* (2 словоупотребления) “в настоящее время, в данный момент; сейчас” [8,4:354] в разных частях сложносочинённого предложения со значением следования событий создают динамику категории ВП, причём между событиями очень малый промежуток времени, они мгновенно сменяют друг друга и обусловлены изменением пространственного расположения главной героини рассказа — молодой девушки Нади.

Категория временного порядка может быть построена на оппозиции “отсутствие обстоятельства временного дейксиса в данной ситуации — наличие его в возникновении новой ситуации”, например: “*Ей, Наде, было уже 23 года; с 16 лет она страстно мечтала о замужестве, и теперь наконец она была невестой*” [10:394]. В данном предложении три предикативные части. Вторая часть, сообщающая о данной ситуации, обрамлена 1^{-ой} и 3^{-ей} частями, которые сообщают, во-первых, о временном промежутке между ситуациями, а во-вторых, указывают на наступление новой ситуации при помощи наречия *уже*: “1. Указывает на окончательное совершение, наступление какого-то действия, состояния” [8,4: 473] и наречия *теперь*.

Полон временной динамики абзац, кратко знакомящий читателя с биографией, жизнью ещё одного главного героя — Александра Тимофеича, “или, попросту”, Сашей: “...когда у него умерла мать, бабушка, ради спасения души, отправила его в Москву в Комиссаровское училище; года через два перешёл он в Училище живописи, пробыл здесь чуть ли не пятнадцать лет, и кончил по архитектурному отделению... [10:393]. Как видим, употребление союзной временной конструкции *когда у него умерла мать*, обстоятельства временного порядка *года через два*, обстоятельства временного дейксиса *пятнадцать лет* свидетельствуют об основной разновидности рассматриваемой категории в речи — “это рассказ о событиях прошлого в их “естественной последовательности”, а также художественное повествование” [1:31].

В рассказе “Невеста” отражено очень интересное явление, которое противостоит категории временного порядка. Если ВП предполагает описание “времени в событиях”, то в тексте встречаемся со статичностью ситуаций. Несмотря на то что временной поток непрерывен, наоборот, он не вызывает изменения ситуации, которая связана с бытом, жизненным укладом, мироощущением семей Шумилиных и отца Андрея.

Констатируют статичность данной ситуации персонажи рассказа Саша и Надя.

Саша: “*Сегодня утром рано зашёл я к вам на кухню, а там четыре прислуги спят прямо на полу, кроватей нет, вместо постелей лохмотья, вонь, клопы, тараканы... То же самое, что было двадцать лет назад, никакой перемены*” [10:395].

Надя: начало изменения её отношения к ситуации видно в несобственно-прямой речи: “...свадьба была уже назначена на седьмое июля, а между тем радости не было, ночи она спала плохо, веселье пропало... Из подвального этажа, где была кухня, в открытое окно слышно было, как там спешили, стучали ножами, как хлопали дверью на блоке; пахло жареной индейкой и маринованными вишнями. И почему-то казалось, что так теперь будет всю жизнь, без перемены, без конца.” [10:394].

Автор, обращая внимание читателя на такого персонажа, как Андрей Андреич, ничего интересного не может рассказать об этом молодом человеке. Его жизнь представляет просто данность, данную ситуацию. Проходят годы — на это указывает обстоятельство *десять лет назад* со значением времени, полностью занятого каким-либо действием с указанием на завершение [3:348], — но в его жизни ничего не меняется: Андрей Андреевич “принимает участие в концертах с благотворительной целью”. Это занятие никак нельзя назвать работой; автор, указывая на эти занятия, вводит в текст сочетание усилительной частицы *лишь* и наречия *изредка*: “1. Иногда, время от времени” [8,1:654]. Даже благотворительной деятельностью Андрей Андреич не обременяет себя постоянно, он занимается ею иногда.

Начало осознания Надей необходимости перемен подчёркивается А. П. Чеховым не один раз: “*Надя слышала это и в прошлом году и, кажется, в позапрошлом и знала, что Саша иначе рас-*

суждать не может, и это **прежде** сместило её, **теперь же почему-то** ей стало досадно” [10:395]. Видим, как в условиях минимального контекста сталкиваются члены оппозиции — обстоятельства времени: “**прежде — теперь же**”, а последующее обстоятельство причины **почему-то** сигнализирует лишь о том, что готовятся предпосылки для ВНС — возникновения новой ситуации.

Так как А. П. Чехов неоднократно вводит в текст рассказа оппозицию “**прежде — теперь**”, первый член оппозиции опускается, он имплицитно просвечивает через цепь воспоминаний — событий жизни Нади: “А мысли были всё те же, что и в прошлую ночь, неотвязные, мысли о том, как Андрей Андреич стал ухаживать за ней и сделал ей предложение, как она согласилась и потом мало-помалу оценила этого доброго, умного человека”. Второй временной спецификатор также сопровождается причинным обстоятельством **почему-то**, готовя читателя к возможному возникновению новой ситуации: “**Но почему-то теперь**, когда до свадьбы осталось не больше месяца, она стала испытывать страх, беспокойство, как будто ожидало её что-то неопределённое, тяжёлое” [10:397]. Состояние, которое переживает Надя, эксплицируется в тексте много раз, но каждый раз в разном синтаксическом оформлении:

- как ни к кому не обращённый возглас (— *Боже мой, отчего мне так тяжело!*);
- несобственно-прямая речь (*Но отчего же всё-таки Саша не выходит из головы? Отчего?*);
- вопрос, обращённый к матери (*Отчего я не сплю по ночам?*).

Статичны отношения Нади и Андрея Андреича. То, что данная ситуация не удовлетворяет героиню, подчёркивается контекстуальным показателем со значением повторяемости **по обыкновению** [4:121], а также тремя словоупотреблениями обстоятельства **давно**, 2 словоупотреблениями усилительной частицы **уже**: “2. *усилительная частица*. При словах, словосочетаниях, обозначающих какой-л. отрезок времени, подчёркивает его продолжительность” [8,4:473]:

“Перед вечером приходил Андрей Андреич и по обыкновению долго играл на скрипке. Вообще он был неразговорчив и любил скрипку, быть может, потому, что во время игры можно было молчать. В одиннадцатом часу, уходя домой, уже в пальто, он обнял Надю и стал жадно целовать её лицо, плечи, руки.

– Дорогая, милая моя, прекрасная!.. — бормотал он. — О, как я счастлив! Я безумствую от восторга!

И ей казалось, что это она уже давно слышала, очень давно, или читала где-то... в романе, в старом, оборванном, давно уже заброшенном” [10:400].

Наблюдается диссонанс между признаниями Андрея Андреича и реакцией на них Нади. Данная ситуация начинает тяготить девушку, воспринимается как не настоящая, и временные спецификаторы актуализируют искусственность отношений героев.

Прошёл ещё один день в жизни Нади. Ещё один бессонный рассвет. Неоднократно на страницах рассказа встречаемся с такой текстовой категорией, как связность. Повторяются целые синтаксические конструкции: “*Но как и в прошлую ночь, едва забрезжил свет, она уже проснулась. Спать не хотелось, на душе было беспокойно, тяжело*” [10:400]. Быстрота сменяющих друг друга сообщений подчёркивается использованием временных спецификаторов **едва, уже**, контекстуального показателя повторяемости **как и в прошлую ночь**.

Надя изменяет своё отношение к матери: “*И Надя, как ни думала, не могла сообразить, почему до сих пор она видела в матери что-то особенное, необыкновенное, почему не замечала простой, обыкновенной, несчастной женщины*” [10:400]. Временное обстоятельство **до сих пор**: “1. до этого, до настоящего времени” [8,3:300], обозначая относительное, предшествующее время [4:233], подготавливает актуализацию второго члена оппозиций “**особенная — простая**”, “**необыкновенная — обыкновенная**”.

У Нади появляются первые робкие мысли об изменении собственной судьбы — возникновении новой ситуации. Интересно, что для этого А. П. Чехов использует фразеологизированную сложную конструкцию со значением временной последовательности, отвечающей модели **едва..., как**: “*...едва она только вот подумала о том, не поехать ли ей учиться, как всё сердце, всю грудь обдало холодком, залило чувством радости, восторга*” [10:400]. Данное предложение “отличается результативной семантикой”. Причём событие, обозначенное в постпозиции, является результатом не столько действия препозитивной части, сколько его невербализованного следствия” [7:54]. Значение достаточного основания усиливается за счёт употребления в препозитивной части частицы **только вот**. Это сложное предложение экспрессивного синтаксиса как

нельзя лучше передаёт волнение героини, значение невербализованного следствия, что сразу подтверждается последующими словами Нади: “*Но лучше не думать, лучше не думать, — шептала она. — Не надо думать об этом*” [10:400].

Характерно, что в конце IV главы, когда после разговора с Сашей Надя принимает решение об отъезде, начале новой жизни, происходит наконец изменение данной ситуации (прежней жизни) и наблюдается актуализация категории ВП. Возникает новая ситуация, подчёркивающая динамику структуры ВП. А. П. Чехов этот сложный кульминационный момент описывает при помощи нового фразеологизированного сложного предложения по такой же схеме **едва..., как**.

Современная грамматика не относит структуры, построенные по модели **едва..., как**, к предложениям фразеологизированного типа и рассматривает их в сфере временных конструкций со значением временной последовательности [7,2:556–557]. Однако в результате предпринятого анализа этих конструкций Л. М. Салмина отмечает их идиоматичность, и в этом структурно-семантическом типе выделяет две группы. Представителя второй группы мы перед этим описали. А вот возникновение новой ситуации передаётся при помощи фразеосхемы **едва..., как**, относящейся к 1-ой группе. Её коммуникативная функция — отношения быстрой смены событий между предикативными частями. “Ситуация постпозитивной части, — пишет Л. М. Салмина, — осуществляющаяся сразу же после ситуации препозитивной части, почти накладывается на неё” [7:53]: “*Наде казалось, что она очень взволнована, что на душе у неё тяжело, как никогда, что теперь до самого отъезда придётся страдать и мучительно думать; но едва она пришла к себе наверх и прилегла на постель, как тотчас же уснула и спала крепко, с заплаканными глазами, с улыбкой, до самого вечера*” [10:406].

Фразеологизация, по мнению Л. М. Салминой, заключается в том, что конструкция, указывая на мгновенность смены одного действия другим, индифферентна к обозначению временного интервала между ними, совершение двух действий не разграничено, и в этом смысле структура противоречит семантике.

“Наиболее частотны в составе модели глаголы направленного движения, изменения физического или эмоционального состояния, изменения положения в пространстве, восприятия, реагирования, речемыслительной деятельности” [7:54]. Действительно, в чеховском предложении используются такие глаголы: глагол направленного движения **пришла** (к себе наверх), глагол со значением изменения положения в пространстве **прилегла**, глагол изменения физического состояния **уснула**.

Данной фразеомодели **едва..., как** свойственна следственная семантика: “событие постпозитивной части является следствием начала либо завершения первого события” [7:54]. Следует вспомнить, что, когда отмечалась нами статичность ситуации, героиня рассказа переживала тяжёлый период неопределённости: “Спать не хотелось, на душе было беспокойно, тяжело” [10:400]. Здесь происходит расширение объёма ситуации препозиции, она как будто вбирает в себя всё прежнее, такое ненужное, мелкое в жизни Нади. “Ситуация препозиции, таким образом, становится достаточным основанием или стимулом для осуществления второй ситуации” [7:54]. Семантика следствия подчёркивает динамику ВП, актуализацию аспектуального семантического признака “возникновение новой ситуации”.

Таким образом, категория временного порядка выделяется в функционально-семантическом поле темпоральности и является своеобразным “двигателем” текста во временном отношении. Временной порядок характеризуется динамикой структуры на основе аспектуальных семантических признаков **возникновение новой ситуации — данная ситуация**. Категория временного порядка тесно связана с лингвистическим анализом текста, так как представляет “время в событиях”. Временной порядок в языковой интерпретации реализуется при помощи действия оппозиции “данная ситуация” — “возникновение новой ситуации”.

1. Бондарко А. В. Аспекты теории функциональной грамматики // Когнитивное описание языковой действительности и русская концептосфера. Мат-лы X Конгресса Междунар. ассоциации преподавателей русского языка и лит-ры. Пленарные заседания: сб. докл. В 2-х т. Т. 1. — СПб., 2003. — С. 25-33.
2. Виноградов В. А. Дейксис // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М., 1990. — С. 128.
3. Крючкова Л. С. Русский язык как иностранный. Синтаксис простого и сложного предложения: Учеб. пособие. — М., 2004. — 464 с.

4. *Практическая* грамматика русского языка для зарубежных преподавателей-русистов / Под ред. Н. А. Метс. — М., 1985. — 408 с.
5. *Рейхенбах Г.* Философия пространства и времени. — М., 1985. — 252 с.
6. *Русская* грамматика: В 2-х т. — М., 1980. — Т. П.
7. *Салмина Л. М.* Сложные фразеологизированные конструкции, выражающие временные отношения // Синтаксис сложного предложения (Устойчивые структуры русского языка): Учеб. пособие. — М., 1985. — С. 35–61.
8. *Словарь* русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд. — М., 1981.
9. *Теория* функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. — Л., 1990. — 263 с.
10. *Чехов А. П.* Собр. соч.: в 12-ти т. — М., 1985.

N. G. Ivanova, Suje Jui

TEMPORAL ORDER CATEGORY IN FICTION TEXT

This article is dedicated to the study of temporal order category in concrete text that presupposes systematic analysis of functional semantic content of temporality field, semantic content of utterance.

Key words: temporal order category, temporal order (TO), structure and semantics of temporal order, aspectual and semantic indications of temporal order, functional types of adverbs of temporal deixis, fiction text.

Н. Г. Иванова, Сюе Жуй

КАТЕГОРІЯ ЧАСОВОГО ПОРЯДКУ В ХУДОЖНЬОМУ ТЕКСТІ

Стаття присвячена вивченню категорії часового порядку в конкретному тексті, що передбачає системний аналіз функціонально-семантичного поля темпоральності, семантичного змісту висловлення.

Ключові слова: категорія часового порядку (ЧП), структура і семантика ЧП, аспектуальні семантичні ознаки ЧП, функціональні типи обставин часового дейксису, художній текст.